

Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных на- званий.

Н. Я. Марра.

(Доложено в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 11 марта 1925 г.).

Не стоило бы говорить, если бы речь была только о племенных названиях. Яфетический анализ племенных названий потому представляет существенный интерес, что его пришлось вскрыть на фоне наличия яфетизмов и фонетических, и морфологических и лексических в языках соответственных приволжских и территориально примыкающих к ним народностей, независимо от того, финские ли теперь они, турецкие, или не финские, да и не турецкие, как не индоевропейские. Индоевропейцы русские не могут не приводить сюда же, но об их племенных названиях — rus (re-las-g || et-rus-k), даже sl-av (славянин), resp. skl-av (сколот, скиф), уже говорилось, здесь требуется лишь уточнение взаимоотношений самих этнических терминов 'сармат', resp. sag-, собственно sal- (← ðal-), 'сколот' и 'скиф' (skw-ða), с ними и 'кимера' (ki-mer). Ведь независимо от законов фонетического взаимоотношения акающей и окающей групп, в какие здесь, повидимому, ставятся сарматское и скифское племена (при экающем кимерском), независимо от истории ð, дающей в одних случаях s (на нижней ступени), в других с полным или частичным подъемом то tk, то sk, яфетидологически особому определению поддается в них и морфология, так называемое мн. число, восходящее к тому или иному племенному названию. Все это подлежит учету для большей реальности содержимого этих племенных названий. Племенные названия, естественно, захватывают и другие слова, в первую голову топонимику. Когда такие бесспорно нерусские в смысле принадлежности к исторически известному состоянию русской речи топонимические термины,

как Москва, пытаются анализировать вне семантики, связанной с племенным названием, то это есть покушение с негодными средствами, в результате дающее бессмыслицу с точки зрения до-истории. А Москва в своем названии во всяком случае есть русская до-история. С племенными названиями связаны вообще слова и нарицательные. Из нарицательных в интересующем нас районе слов приходится вспомнить о 'лошади'.

Третий раз приходится начинать свою яфетическую сказку с коня, яфетического коня, надеюсь, без надобности оговариваться, что сами вообще индоевропейские его названия, не одни русские 'конь', 'лошадь' и др., яфетического происхождения, т. е. пережитки из речи первоначального населения Европы, существовавшие еще в до-исторические эпохи его развития, а не ново-образования за исторические эпохи, уже индоевропейские. Третий раз приходится выражать пожелание долгой жизни коню, утверждать, что «конь доведет», яфетический конь¹.

С 'конем', притом не вообще яфетическим, а более конкретным, именно тотемом этрусков или во всяком случае их этнонимом в разновидности скифского произношения, оформленной окончательно по-абхазски, т. е. à-лаша 'лошадь' мы уже доехали до вогулов, причем промежуток оказался усеянным, даже до исчерпывающе веденного исследования, разновидностями этой именно формы в сопутствии названия бога Tar || Toг → Tur, собственно слова 'небо', как теперь уже знаем, тотемного божества сарматов, точнее скрестившихся в сар-матском племени салов или талов (п-талов). Да и абхазское оформление слова à-лаша, без префикса, как во всяком случае целый конструктивный слой самого абхазского языка оказался подлежащим определению термином «сарматский», герр. салский, относимым к сарматскому племенному языку, как вся основная или коренная свистящая порода грузинского языка². Сармат оказался на юге России своей первой частью (sal, resp. sar ↗ tar → tar), но в ином оформлении в составе названий, теперь уже разъясненных яфетидологически, гибридных Таматархи, Тмутаракани и простого — Тетраксита³. А на севере? Кончается ли дело тем, что чувашки выявляются пережитками яфетидов, и затем на всем севере имеем только яфетического коня — àлаша, resp. лаша, да разве еще бога Тора,

¹ «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси» (ИРАИМК, III, стр. 256); «Термины из абхазо-русских этнических связей. 'Лошадь' и 'тризна'». (К вопросу о племенном происхождении Средиземноморского населения). Изд. Наркомпроса Абхазии. Ленинград, 1924, стр. 9.

² Об этом — в жлущем возможности напечатания доклада моем на Краеведческом Съезде (лето 1924 г.) Черномор. Побережья и Западн. Кавказа в Сухуме «Абхазоведение и Абхазы».

³ См. тот же доклад «Абхазоведение и Абхазы».

геср. Тура, все же остальное это турецкое или финское племенное наследие? Мысль, высказанная мною, думаю, не без основания, что чувашский язык перебрасывает мост от яфетидов с одной стороны к угро-финнам, с другой — к туркам, тоже ведь, может быть, как это делалось и делается не с одним нашим утверждением, признана «стереотипной фразой», чего совершенно достаточно, чтобы отбить охоту у более живых и отзывчивых элементов заняться делом. Ведь признают же все наше общее утверждение положением, для работы по которому будто еще не созрело время!... Но яфетическое дело не терпит. Наличие единственного, хотя и бесспорного яфетического слова алаша 'лошадь' годилось бы, пожалуй, для стихотворения с лирическим настроением вроде «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна» или «Стоит одиноко как путник в пустыне», но едва ли для обоснования мало-мальски надежной научной тезы, если бы действительно дело обстояло так. В то же время урок, неоднократно полученный, и нас делает осторожными, чтобы не обольщаться мыслью, что, если чуваша — носители ярко выраженных яфетидизмов в своей речи, то, следовательно, кругом в этом отношении пустыня, т. е. опять-таки «стоит одиноко как путник в пустыне», тем более, что в этот раз путник уже коллективный, целый чувашский сложносоставный народ. Пусть даже нет ничего кругом в той же мере яфетического хотя бы пережиточно, как в чувашском, ведь по яфетической теории пережитки подлежат разысканию и в т. н. инорасовых языках, славянские ли они или, допустим, угро-финские.

В предварительном отчете о «Поездке к восточным яфетидам», доложенном на заседании ОИФ 28 января мною было допущено утверждение, что народности Вол-Камья и примыкающие к ним с севера зыряне, вогулы и остяки бытом своим иногда больше, чем чуваша, сохранили яфетидизмы до-исторического состояния. Это не значит вовсе, что в языковом отношении кроме чувашей другие приволжские соседящие с ними народы не проявляют характерных черт яфетидизма, хотя бы пережиточных. Иногда они, эти, казалось бы, случайно и лишь территориально примыкающие народы и сохраняют нам по сей день древнейший вид яфетидизмов, казалось бы, прежде всего долженствовавших быть в чувашском, так, напр., когда у коми (зыряне) в значении 'ручья' (← 'воды') констатируем шог при чувашском ши (→ шэв) 'вода' ← шиг 'болото'.

В составе звуков коми сохранил лучше, чем даже чувашский, до-исторические фонемы, характеризующие яфетические языки, менее пострадавшие в этом отношении: в нем, как впрочем и в чувашском, имеем џ (следовательно, в зубных яфетическая лестница трех ступеней озвонченности t→

đ → ʒ (= ĭ), также и в аффрикатах шипящего ряда t («ш») → d («ж₁ = дж») → ʒ (ч), а в аффрикатах свистящего ряда нет ни глухого ĭ (= ts), ни среднего ʒ (ц = ʒs), но звонкий, и тот смягченный или иотированный d (з₁ = дз₁), зато есть, как в мегрельском, смягченные l (= љ), n (= њ), равно еще d (d) и ʒ (ʒ) → z (z), как в чувашском и абхазском (бзыбском наречии), равно в баскском (у французских басков — s = ʒ или ĭn с большим служением рта при его произношении). Но из заднеязычных аффрикатов нет ни одного, даже ʒ, как нет ни одного спиранта.

Идеологически при нашем пристрастии к коню не может не представлять живейшего интереса пережиточного явления господство следов несомненно до-исторического культа особого подбора животных, в первую голову лошади в пределах древней Мери. Повидимому, имеется достаточный бытовой материал, чтобы вопросу посвятить специальную работу.

Недаром, следовательно, началось наше вторжение с яфетического коня, со слова «лошади», у вогулов оказавшегося в абхазской форме, затем у чувашей в виде чистой основы laja (j в. ш между гласными). Дальнейшее прослеживание распространения этой акающей на вид разновидности выпало на долю цитованной выше работы моей о «лошади» и «тризне». Но в самом вол-камском мире уточнение истории этого слова приводит опять — таки к поразительному сближению с абхазским. При вторичном, уже весной 1924 года в Абхазии запросе о слове à-lasha в значении 'лошади' лыхнец мне сделал поправку: «Это не 'лошадь' вообще, а 'мерин'». Уже в чувашском Н. В. Никольский переводит «лаша» (читай «лажа» = laja) 'лошадь', 'мерин', а в языке мари (черемисском) прямо-таки абхазская форма alasha со значением только 'мерин'¹.

Правда, что при господствовавшем кругозоре ученые не могли выйти из заколдованного круга чувашо-турецкого родства, не могли добраться хотя бы до абхазского, где слово имеет и формальные, и семантические корни, и русское 'лошадь' производили из турецкого. Но дело однако не в том материале, который каждый даже неграмотный может отождествить без всяких познаний в яфетической теории. Дело идет о таком материале, который разъясняется лишь после подготовки по яфетической фонетике, или яфетической семантике, иначе исследователь и не замечает фактического родства, так, напр., т. at 'лошадь' || чув. ut id., что изолирует, как мы видели, чувашскую речь наравне с турецкими наречиями, разлучая их с приволжскими народами, а это происходит лишь по недоразумению.

¹ Так В. С. Шорин, Маро-русский словарь горного наречия (черемис). Под редакцией С. Г. Эпина. Издание Центр. Издат. Мари, Казань, 1920.

Я уже не говорю о том, что в чувашском и в примыкающих к нему языках слабо обстоит даже с сибилантными яфетическими аффрикатами, в частности даже в армянском (бывает это иногда и в чистом яфетическом): яфетический аффрикат *t* представлен простым зубным *t*, как *taṙ*-i 'год', *taṙ* 'буква' и т. п. Значит, т. *at* 'лошадь' я хочу возвести к архетипу **at*, и в нем признать разновидность абх. *a-ḡə* 'лошадь'? Нет. Мы, действительно, имеем в приволжских и далее на севере следующих языках слово с абх. префиксом *a-* — *à*-лаша 'лошадь', 'мерин', но в чувашском оно без этого префикса — *лажа*, а слово *at* 'лошадь' в чувашском имеет губную огласовку *ut*, resp. *ud* 'лошадь'. Конечно, префикс *a-* имеет закономерное соответствие *o-* → *u-*, так в частности сюда относится племенное название *O-bez*, название страны *O-di-ni*, *U-ti* (халд. *E-ti-un*+1) и т. д. Затем, в абх. *a-ḡə* 'лошадь', как впрочем *à*-лаша 'лошадь', 'мерин', «*a-*» не образовательный префикс, а неопределенный член. Однако это мы знаем достоверно про *à*-лаша, т. к. основа *лаш-* имеет бесспорную палеонтологию, что касается *a-ḡə* 'лошадь', то основа *ḡə* имеет разъяснение своего происхождения в связи с ионским племенным названием ← *ḡon*, но надо и здесь быть осторожным, поскольку в односложных словах абх. префикс иногда поглощает огласовку основы, так в *ап* 'бог' огласовка корня трактуется как префикс *a-*. Бесспорно, что абх. *ḡə* 'лошадь' существовало без предшествующего *a-* давно: в грузинском *ḡəp-* 'лошадь' начальный звук *ḡ* — из группы *ḡq*, парного представителя, как бы раздвоения начального или *ḡ* || *ḡ* или *q* || *q*, resp. разложения *ḡ*, или пережиток самостоятельного слова, грузинского сюсюкающего усвоения того же *ḡ* абхазского *a-ḡə* 'лошадь' (остающаяся часть *ḡep* тогда действительно может означать независимо 'лошадь', ср. арм. *heun-*), если даже не имеем в г. *ḡ*+*ḡep* обычного гибрида, слияния двух слов, синонимов, раньше существовавших каждое самостоятельно. Разумеется, вся эта палеонтология не касается термина абх. *a-ḡə*, еще менее она касается чув. *ut* 'лошадь', т. *at*. Но когда речь о чувашском, надо учесть с одной стороны принадлежность чувашского и соседящих с ним языков к кругу, избегающему начального плавного *г*: таковы из яфетических хетский, баскский, ряд горских яфетических и переходный или гибридный армянский. Следовательно, их архетип **raṭ* || **ruṭ*, т. е. налицо расенотрусские тотемные лошади.

В сосредоточении приволжских народов в до-исторические эпохи существования чистых яфетидов, естественно, не могли не быть в значении 'лошади' и другие племенные названия, помимо этрусского, не могло не быть такого использования особенно шумеро-иберского племенного наз-

вания, названия, в частности, чувашского народа. И, действительно, во-первых, у самих чувашей найдена спирантная разновидность kom- → kum- (← *kom- → *kum-) усеченной основы составного шумерского племенного названия ши-тег- в виде *kəm, гесп. qəm в слове qəm- lāna 'ожеребиться' (qōm 'жеребенок'). Не останавливаясь сейчас на появлении и вм. ожидавшегося г, попутно отметим, что с этим вторичным и термин восходит к архетипу в полной форме komon, сохранившейся в значении 'коня' в русском усвоении в Слове о Полку Игореве. Если отвлечься от специального значения тотемного животного 'лошадь', самое шумерское, оно же иберское, племенное название в тех же самых спирантизованных разновидностях шипящей группы сохранилось в мегрельском и чанском в значении 'мужа', 'мужчины', эквивалента г. qmag 'муж': это — м. qomond 'муж', 'супруг', гесп. с утратой d — *qomop, да и qomol 'муж'¹. Во-вторых, в параллель иберской или берской разновидности этого же названия с утратой I-го спирантизованного согласного в акающей форме мы могли бы иметь слова mag || mal, гесп. val, из коих последнее — эквивалент западноевропейского полногласного трехсогласного, собственно составного термина ka-val (ca + bal-us 'лошадь'), и это не может не быть сейчас предметом особого нашего внимания, т. к. повотски 'лошадь' называется именно val. Но почему у вотяков, собственно, как себя они называют, уд-муртов, в значении 'лошади' сохранилось иберское, вернее берское племенное слово? Разве они беры или имеют что-либо общее с иберами? Посмотрим.

Вопрос, однородный, невольно встает в связи с 'лошадью' и другой: почему у вотяков отсутствует расенское или этрусское, собственно ласское или рушское название лошади? Почему обошел вотяков абхазский термин ā-lāsha 'лошадь', проскочивший однако дальше их к вогулам? Так ли чуждо всему этрусскому и в частности абхазским разновидностям этого племенного названия вотское племя? Любопытно последний вопрос осветить положением дела в вотском языке, судьбою этого племенного слова именно в значении племенного названия: им называются ведь 'русские', и 'русских' у вотяков называют zuḡ || zuḡ, что восходит к зыр. гоḡ и черем. гиш, идеальной окающей шипящей разновидности термина, от которой в связи с семанти-

¹ В яфетических языках со значением 'лошадь' это иберское племенное слово имеется и в сибилантной разновидности, так у басков zamaḡ - i 'лошадь'. Слово распространено, естественно, и вне яфетического мира, но на этом основании теперь уже нет никакой возможности производить термин из киргизского языка — kumay [← *kumar] = «qumal» (Ср. Junker. Zur altruss. Benennung des «Pferdes». Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, В. 50, 1922, стр. 249), см. ниже, стр. 697.

ческим развитием 'неба' → 'утренней зари' || 'лошади' у грузин из соответственного племенного источника, шипящего слоя сванского языка гцц || гацц 'утренняя зари' (←*гццц || *гцацц ← гццц || гоцц), у абхазов а-щәц 'утро', 'утренняя зари'¹ (фонетически ср. вотск. ццц).

Мари допускает падение и начального к, также как баскский: черем. ал-пә 'калым', т. кал-эм.

Странно то, что и в баскском и в мари однако начальный к хорошо представлен, и не относится ли падение к к тому времени, когда к имел аффрикатное произношение к || қ, что и уступает обычно слабому своему представителю в яфетических языках шипящей группы: к \ h || қ \ ɸ → —.

Из явлений с г надо отметить случаи с и-берским первословом в его двухсложном составе шг. Трехсложный состав шмг || смг ← ɸмг (skmr) проявляется, как известно, в составном племенном названии «шу-мер» в Месопотамии, а также на древней Руси и далее, в названии одного социального слоя, земледельческого, вышедшего, очевидно, из соименного племенного образования: это смерды в ряде разновидностей, как то прослежено вплоть до Пиренеев, то s+mar-don, то j+mur-d, у Пиренеев в баскской речи со спирантизацией первого коренного mor-de 'господин', некогда тотем-божество и-беров или лишь беров. Основа mor-, с сужением губного гласного при губном m— шг имеет распространение и на востоке, но за дальнейшим следить можно лишь по усвоении основ яфетической семантики в связи с палеонтологией речи, так положение о том, что племенное название в одном разрезе означает 'людей', 'детей', герс. 'человека', 'дитя', 'сына', а функционально, смотря по восприятию, то признак мн. ч. ('дети', 'люди'), то родит. падежа ('дитя' кого || чего) и т. п., но в другом разрезе племенное название, тотем-божество данного племени, прежде всего 'небо', а раз 'небо', то каждое из трех 'небес', именно 'верхнее небо' — наше 'небо', 'среднее небо' — 'земля', 'поле', и 'небо нижнее' — 'преисподняя', 'море', а в то же время 'небо' → 'круг' является 'временем' → 'годом' и т. п., и вот шг с утратой в паузе г—ш в месопотамской клинописи имеет одно дериватное значение, именно 'год' (чей это вклад ясно, шу+меров-и+беров), а на Волге в коми то же шг значит 'земля', 'поле', но опять-таки возникает вопрос, на каком основании? Разве коми (те же зыряне) — шумеры или иберы? Разве в коми, в тех же зырянах, есть основание предполагать какой-либо элемент шумерской или иберской речи? Посмотрим. А пока факты. Основа полная шг, первич-

¹ Н. Марр. Термины из абхазо-русских этнических связей «лошадь» и «тризна» Ленинград, 1924, стр. 47, 51.

ное *mog*, на Кавказе на земле иберов-шумеров, здесь ле-чхумов, ныне грузинизованной, раньше бывшей в сванском владении, сванская речь сохранила *mog* с раздвоенным *o* → *aw* и именным окончанием *e*: *māg-e* ‘мужчина’, ‘человек’, долгий *ā* в сванском получается из *aw*, представляющего раздвоение не сванское, а еще иберское гласного *o*, т. е. архетип слова **mog-e*, что одновременно могло означать любой космический предмет и действительно означало, но сейчас мы держимся семантического разреза в значении ‘человека’, и вот вотский или уд-муртский язык сохранил его в форме мн. ч. на *-t* в слове *mog-t* ‘человек’.

Но в той же яфетической среде, подоснове приволжских народов, с одной стороны *g* чередовался с сибилантом (здесь на нижней ступени, как в Свании, *z* || *j*), с другой рядом с окающим *mog* → *mug* должны были находиться акающая и экающая, и вот акающая разновидность *mag-* с окончанием «*би*» (= днал.-*ə*), именно *mag-ə* у черемисов действительно значит ‘муж’, ‘мужчина’. Этим вскрывается в самом черемисском этнонимическое, если не тотемное, происхождение данного слова, т. к. *mag-ə* значит одновременно и племенное название ‘черемис’¹, и ‘человек’, именно ‘муж’, ‘мужчина’.

Следовательно, с другой стороны, надо усвоить элементы яфетической семантики, иначе никогда не понять неразрывной связи длинного ряда слов в языках приволжских народов с чувашскими бесспорными двойниками, так, напр., существует семантическое положение, что ‘рука’ в яфетических языках значит в одном разрезе ‘раз’, ‘-жды’, в другом — ‘сторона’, ‘край’ и т. п., и в то же время от ‘руки’ происходит, между прочим, глагол ‘прикасаться’, ‘трогать’. И вот, когда в мари мы имеем в значении ‘руки’ — *kid*, а с утратой *-d* в паузе — *kɨ*, то это именно *kɨ* в коми, т. е. в зырянском, значит ‘рука’.

Но мы не можем не отметить, что во-первых *kid*, сохранившиеся в мари (черемисском) в именном значении ‘рука’, одном из основных, несомненно существовало с тем же значением в одном из языков, отложившихся в грузинском, и от него и произведен глагол *g. kid-eb-a* ‘прикасаться’, ‘тронуть’ и т. п., равно *g. kid-e* ‘край’, ‘сторона’, во-вторых, *i* представляет перебойный представитель губного гласного *u* (← *o*), и в чувашском мы имеем с аффрикатом *q̣* (вм. простого *k*) в начале: *q̣ut* ‘раз’, ‘сторона’.

В мари (черемисском) *kid* употребляется и в составных словах, и в одном из таких, именно в значении ‘браслета’ мари (черемисский) проявляет общее с чувашским слово, в чувашском звучащее *şol-a* ← *şol-ga*

¹ В. С. Шорин замечает (Маро-русский словарь, s. v.) «по старой терминологии».

в значении 'браслета', букв., как уже разъяснено¹, 'для руки', и вот слово без необходимого суффикса, собственно чистая основа *ʒol*, использовано в мари (черемисском) в форме *ʒol* в выражении *kid-ʒol* 'браслет', 'запястье'.

'Запястье' в данном случае произведено по исторической семантике, свойственной логическому мышлению — 'предмет для руки' → 'запястье', 'браслет', не по до-исторической, до-логической, когда мысль в образах, человек, например, от материала переходил по ассоциации или диссоциации к частичному его проявлению в обиходе, от металла к предмету, изготовленному из него, без всяких образовательных частиц дополнительного суффикса или префикса, руководствовался лишь функцией и 'железом' называл 'топор' (так называют и теперь чистые яфетиды), а 'браслет' — 'бронзой', что пережиточно наблюдаем даже у армян в слове *арак+an-ɖan* 'браслет', собственно 'бронза', 'красная медь' (ср. г. *spil+en-ɖ* и др.). С металлом мы стоим уже в круге не только норм, но и самих предметов до-истории или соприкасающихся с до-историей, как впрочем и с 'лошадью'.

Однако, в давнишней, но от этого не перестающей быть, по крайней мере для нас, предметом животрепещущего интереса работе финского ученого Д. Европеуса «К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян», при анализе терминов, привлекаемых им для подтверждения его положения, именно угорского происхождения первоначального населения занимающего нас района, поразительное дело, ни разу не выплывает понятие 'лошадь': его нет в громадном большинстве названий рек и представлений связанных вообще с водой. Это естественно, разумеется, для Д. Европеуса в данной статье, посвященной топонимике, преимущественно названиям рек. Для нас, однако, поразительно, что в до-исторической терминологии этого порядка в анализе названий рек, казалось бы, нигде не выплывает 'лошадь'. Ведь когда на Кавказе в Западной ныне Грузии, именно в Имерии и Мегрелии, протекает река Рион с притоком Цхенисцхал (по-грузински 'Лошадиная река') или *Lāšq* ('лошади', св. *Lāšqwīg*), в древности в греческой передаче *Ἴππος*, т. е. опять таки 'лошадь', то это отнюдь не есть «исторический факт, требующий закрепления во времени и пространстве» и соответственного исторического разъяснения, иначе мы будем вынуждены согласиться с преданием о происхождении этого названия от множества загубленных при переходе реки коней (в VIII веке по Р. Х.).

Название реки «лошадью» или 'конем' есть факт этнологический, по распространению повсеместное и хронологически до-историческое явление.

¹ Отчет о поездке к вост.-европ. яфетидам (II Приложение к протоколу II засед. ОИФ, 1925), стр. 24.

Собственно, река формально носит название племени, которое в свою очередь может означать чрезвычайно разнообразный подбор предметов, но то же племенное название, любое из яфетических, в приложении к реке может означать и даже должно было означать не только 'лошадь', но и 'воду', гесп. 'реку' ('вода' и 'река' у яфетидов до сих пор носит одно и то же название), и обратно. Так, Дон есть яфетическое слово, означающее не только 'реку', 'воду'¹, но и 'лошадь'². Когда на притоке Риона мы наблюдаем сохранение различных названий с одним и тем же значением 'лошадь' (греч. ἵππος, яф. этр.-абх. lāsh-a, груз. ჭენ), то это говорит о сохранении до-исторического понимания термина преемственно, но понимания одностороннего, т. к. первоначально то же слово не могло не означать 'воды', гесп. 'реки' у любого яфетического племени в его до-историческом состоянии. И, если, наконец, отказаться от значения 'конь', с названием реки в восприятии его как слова, означающего 'реку' или 'воду', мы неминуемо обязаны вскрыть племенную принадлежность самого термина, т. к. и 'вода' восходит к племенному названию. Определить то или иное название, допустим, реки в его созвучиях с угорским или финским словом, требуемого хотя бы значения, это вовсе не значит определить происхождение термина, если при этом мы не доходим до тотемизма или хотя бы до этнонимизма, до вскрытия в нем по данным фонетической закономерности слова, означающего определенное племя. С другой стороны, раз мы доискались в этих странах до названия 'бога', собственно 'неба', то мы знаем, следовательно, и название 'воды', т. к. по яфетической палеонтологии слово 'небо' означает 'небо+воду'. Так в частности чув. tor-ə, диал. tur-ə 'бог', прежде всего 'небо' значило и 'воду', гесп. 'реку', отсюда и название реки, понятно, с дифференциацией, для образования особого вида специально для обозначения 'реки', так именно tul, с префиксом e — Etul, как называет Волгу Кезай³.

Многочисленные разновидности этого названия реки, то с оканием, то с аканием, иногда с ослаблением; как-то чув. Atəl, у грузин в оде XII—XIII века A-tal-a⁴ и др. говорят лишь о множестве племенных произ-

¹ Из яфетических языков в грузинском с этим словом связан глагол den-a 'течь', m-din-re 'река'.

² Бацб. dō (← don) 'лошадь', бацб. don-ḡe 'относящийся к лошади', чеч. dīn (нахч.), 'верховая лошадь', дэ (ингуш.) id., арм. dī.

³ См. ниже, стр. 684.

⁴ Чахрухадзе, VI, 9, 1: Atalas mohkvis «последовал на Волгу (Atala)». Любопытно, что в параллельной глоссаторской оде этому стиху соответствует: апи θαζαγεδз '«или в Хазарию»'.

ношений, в том числе и скрещенных, этого термина, в числе их в нарушение свистяще-шипящей нормы: с плавным *l* в шипящей окающей форме и с плавным *g* в свистящей акающей форме и т. п. В самих чистых яфетических языках такое скрещение наблюдается и в начальном согласном, произносимом фрикативно, при огласовке свистящей группы (*a*) аффрикат шипящего ряда, так в св. *tal-a* 'река', 'долина', а при огласовке шипящей группы аффрикат свистящей группы в арм. *đog* 'долина', тогда как закономерно в свистящей акающей группе полагается аффрикат *t̃*, следовательно, ожидали бы **tal-a*, а в шипящей окающей группе *t̃* — *toğ-a* и т. п., что мы имеем при проявлении начальным коренным согласным своей двузвучности (*t̃* / *tk*): ср. г. *ikal-i* 'вода', 'река', шп. **t̃koğ* (отсюда с десцибиляцией *tkoğ* → *tkwağ*, ныне грузинское название Кумы: *m-tkwağ-i*), при полногласии *toğog* и т. п.

Дезаспированная основа чувашского термина *tor* → *tur* в яфетическом аффрикатном произношении закономерном, должна, следовательно, звучать *toğ* → *tur*, на последующей ступени развития (озвончения) *đog* → *dur*, а на нисшей ступени *şog* → *şur*. Нам сейчас нет надобности удаляться с севера и юга в далекие яфетические страны, Кавказ и далее, за этими разновидностями известного яфетического термина 'НЕБО — ВОДА', хотя бы в одном его семантическом разрезе 'вода'. Напомню разве, что в пределах Армении халдский язык ванских надписей сохранил со значением ['воды'→] 'милости' спирантизованную разновидность шипящего вида *şur*, именно *hur* → *ur* в слове *e-hur-i* → *e-ur-i* 'милость', т. е. ту разновидность *hur* ← *ur*, которая в баскском языке обычное слово в значении 'воды': *ur* ← *hur*¹, а с префиксом *e-*, как в халдском, иногда и без префикса, но всегда с именным характером *-i* 'дождь' — *e-ur-i* (*g*, *b*, *bn*), *ur-i* (*l*, *b*).

Но возвращаемся к нашему северному району, волжскому яфетическому, где из приведенных прямо-таки шипящих разновидностей мы находим в непечатом виде следующие случаи:

- 1) на нисшей ступени — *şog* в зырянском в значении 'реки',
- 2) во-вторых, *şog* ручей (← 'вода'), как мы видели у вотяков.

Как известно, *şog* → *şur* имеет точный закономерный эквивалент по свистящей группе *sal*, со скрещенными разновидностями то акающего порядка *sağ*, то окающего *soğ*, то экающего *ser*, resp. *şer*, и все эти разновидности в значении 'воды'→'реки' наличны в названиях рек интересующего нас района. По поводу их еще Европеус писал: «Имена рек,

¹ См. Н. Марр. Об яфетической теории (Новый Восток, Москва, 1924) кн. 5, стр. 311-312.

кончающиеся на *сора, сара, сар, шера, шура*, встречаются не выше 20 верст на юг от Белоозера и должны быть признаны по крайней мере частью за сложные зырянские слова, образованные именно с зырянским «шор» 'река'».

3) Все из круга шипящей группы: в при-волжском районе африкатов глухого ряда не досчитываемся, на верхней ступени потому идеальный представитель шипящей группы трехсогласный *Toğor*, в такой среде естественно должен был обратиться в *Togòr*, и вот эту именно разновидность и передает Кезай, когда, описывая местоположение «Сцитии», собственно Скифии, он пишет¹, что она лежит в Европе, и определяет ее пределы с одной стороны Северным морем, с другой Уральскими горами (*montibus kitei*), причем говорит, что там вытекают две большие реки *Etul*, т. е. Волга и *Togoга* «родившаяся в снежных горах, а текущая в Северный океан, следовательно Печора, у которой приток, вытекающий с самых высших вершин Урала, называется Шугорою, по-вогульски Сакурия». Толкование, сообщаемое при этом интересно лишь как образчик народной этимологии.

Самая разновидность формы *Sakur* представляет для нас исключительный интерес, т. к., первичен ли в ней начальный *s*, т. е. относится к свистящей группе, или заменяет *ш*, как часто в чувашском, форма по самой огласовке гибридная с раздвоением огласовки *a — u* (← *o*) совершенно так же, как то наблюдаем в бск. *шакур* ↗ *шакур* 'собака' при г. *šagl* || м., ч. *šogor* 'собака'.

Нас теперь не смущает созвучие слова, означающего 'собака' с названием 'воды', в них имеем две дифференцированные разновидности первой части сарматского племенного названия в грузинском *šagl* 'собака' ← **tkal* || *tkal* → *šqal* 'вода'.

Грузинский язык такое смещение гласного *so* 2-го коренного на 1-й использует для получения от корня на нижней ступени *sq̄l* разновидности для выражения ['неба' →] 'дома' — *saq̄l*, что появляется с полногласием, то с «е» || «г» на 2-м коренном, в семантическом разрезе ['небо' → 'знамя' →] 'вид' || 'имя', именно *saq̄el* 'имя'², с потерей *l* в паузе *saq̄e* 'вид', то опять-таки в значении 'дома', но с заменой *l* зубным *d* только неоформленно — *saq̄id* (вм.**saq̄il*) 'домой'.

¹ Стр. 67.

² Связь с глаголом *zaqa* ↗ *šaqa* 'он звал' бесспорна, но филиация не от глагола, а от имени, причем с 'небом' спорит 'рука', ср. г. *dal* 'сила' ['рука' двухсогласный корень, ср. ниже, стр. 685] по вопросу о назначении, к которому восходит 'имя'.

Ясное дело, что раз *saql* означало 'небо', — то эта же форма или любая ее разновидность по яфетической семасиологии не могла не значить 'воду', т. е. 'воду' должна была означать и **saql* || *saql* или же с интервокальным озвончением *saql* || *saql*, следовательно, в подъеме *taql* || *taql* и, действительно,

4) такой трехгласный по корню вид, разумеется, с утратой фрикативности *taql*, равно с огласовкой е, как в г. *saql*, но с заменой *l* зубным, как в г. *saql*, именно *taqet*, а также с огласовкой и, как в баскском *shakur*, *tagul*, т. е. все три разновидности *taql* || *taqet* || *tagul* могли одинаково означать 'воду', 'реку' в яфетической языковой среде, откуда и унаследованы, по всей видимости, вог. *taql*, вог. *tagul* и ост. *taqet*, все три в значении 'рукава', также 'притока реки', собственно, как теперь разъясняется, — 'реки' || 'воды'.

Несомненно, разновидность этого *Togor*'а, в архетипе **Toḡor* представляет, как то уже отождествлял Европеус¹ приток Печоры, «вытекающий с самых высших вершин Урала» — Шугора, по-вогульски Сакурия.

Как известно, *sal* || *shor* представляет двухгласный корень, сведенный из трехгласного *shl* || *shlr*, конкретно наличного в кавказских яфетических языках в подъемных разновидностях *tkl* → *ḡql* || *tḡr* → *ḡqr* и т. п. или с подъемом лишь исчезающего иначе спиранта *sq̄l* (*sq̄r*) || *sh̄qr*, resp. *shkr*.

Но сами термины срывают с лица до-исторических незнакомцев отнюдь не густую вуаль, и перед нами в их подлинных собственниках выступают совершенно несокровенные оголенные чистейшие по речи яфетиды, притом определенных групп, если не свистящей, т. е. сарматской (на Кавказе грузинской), то шипящей, т. е. скифской (на Кавказе в мегрело-чанской, в древности колхской) группы.

Однако, если в приволжском яфетическом районе такое бесспорное наличие скрещенных разновидностей сибилантной ветви, и свистящей, и шипящей, порою же и спирантизация, то мало основания утверждать, что они представляют случайный занос, а в таком случае в этом же чудском районе должны вскрыться племенные названия всех этих яфетических групп. Мы этим и займемся в свое время, не смущаясь их находждением теперь в русской речи или в номенклатуре русской земли.

Сейчас остановлюсь на круге терминов, сохраненных народностями не русского племени. Вотяки, как осведомляют их исследователи, придают различие двум частям своей народности, южной и северной. Северные зовутся

¹ Стр. 67.

калмезами, южные — ватками (так зовут себя глазовские вотяки)¹. Вопрос, однако, теперь едва ли может быть только о территориальном учете двух вотских племен. Вотяки идут, по всей видимости, как и соседящие с ними народности от яфетической подосновы, а яфетические народности всегда являются скрещенными, скрещением не одного, а ряда племен.

М. Г. Худяков в отношении вотяков приходит к той же мысли, исходя из диалектических данных. «Можно думать», пишет он², «что на основании диалектических различий вотяки распадаются более чем на два племени». С. К. Кузнецов утверждал, что «вотяки Вятской губернии делятся по крайней мере на 6 говоров, и продолжал утверждать то же самое и после того, как Б. Мункач признал существование лишь 4 диалектов».

Однако, эти диалектические различия в племенных названиях какого порядка отражаются? в таких ли, которые представляют фонетические разновидности одного и того же племенного названия, или в таких, которые коренным образом различаются; ведь, как мы сейчас видели, части вотяков прилагается особое название. Думаю, вопрос мы можем поставить, но ответ может быть дан лишь после того, как не только исследование вотского языка будет углублено, и материально и теоретически, но и общий вопрос о соотношениях различных языков данного племенного образования, всегда скрещенного, и его же диалектов с другой стороны получит достаточное разъяснение. Можно утверждать заранее, что связь между ними существует, но диалектические расхождения сами по себе не могли бы вызвать к жизни коренное различие племенных названий, а лишь чисто фонетическое; так, мы имеем три основные разновидности, чисто фонетические, названия для одного и того же вотского племени, акающее — *vat* (ватка), окающее — *vot* (вот-як) и экающее — *vent* — (→ вят-: вят-ка, вят-ичи, но и венды). Отожествляя 'ватку' и сродные термины вотской земли с Вяткой, тем более с вендами, мы отнюдь не вносим чего либо нового, неожиданного реально: «Б. Г. Гавриловым записаны предания о том, что племя Ватка жило первоначально по берегам р. Вятки, к западу от устья Ченцы, в местности, где теперь находится город Вятка»³. Что же касается появления *nt* (→ *nd*) вм. *t* в *vent* → *vend*⁴, это совер-

¹ Худяков. Вотские родовые деления, стр. 342.

² Ц. с., стр. 342.

³ Произведения народной словесности, стр. 144, 149 по М. Худякову, Вотские родовые деления, стр. 343.

⁴ Вопрос иной, нужно ли наши *vend*'ов отожествлять с *venet*'ами, если в последнем «е» первичный гласный между *n* и *t*.

шенно закономерное явление по сравнительной грамматике яфетических языков, т. к. во всех перечисленных разновидностях зубной вторичный во всяком случае представляет эквивалент плавного *r*, перебой которого однако в зубной бывает в зависимости от среды с носовым, как в л. *argentum* 'серебро' или без носового, как в л. *vet-us* 'древний'. В шипящих языках Кавказа мы застаем в таких случаях с носовым зубной звонкий без утраты фрикативности *nd*, что как и весь ряд различной озвонченности *nt* → *nd* → *nŋ* представляет высокую ступень состояния, на нисшей ступени аффрикаты этого ряда являются естественно слабыми сибилантами по шипящей группе — ш → ж и т. п., по свистящей — *s* → *z* и т. п., и с этим вместе мы получаем ту плоскость звукосоотношений между плавным *r*(||) и сибилантами ш → ж, resp. *ʃ* → *ʒ* || *s* → *z* и т. п., на которой выявляется чередование плавных с сибилантами у сванов и армян с грузинами на Кавказе, у чувашей с турками на Волге и т. п. На этой плоскости и-берская основа *ver*, эквивалент *vent*, resp. *vet*, может и действительно бывает представлена видом *ves* (|| *mes*).

Что же касается наличия другого еще по корню отличного названия хотя бы части вотяков, т. е. существования двух племенных названий, как то было упомянуто, именно «калмезы» и «ватки», мы могли бы а-приорно утверждать, что носители их представляют скрещение в той или иной мере этих двух племен, если бы не было уже того, что сами названия свидетельствуют о таком скрещенном состоянии. *Kalmez* это составной двуплеменной термин из *kal* и *mez*: *kal* разновидность *sal*, resp. *car*, а *mez* с эканием разновидность, именно нисшая ступень по состоянию исходного согласного звонкого *z*, глухого *s* (|| ш), на верхней ступени должествующего звучать *t* (|| *t*), по десибилляции *t*, т. е. *mes* (→ *mez*) / **met* → *met*, по акающей группе *mat*, т. е. *kal-mez*, как термин, есть эквивалент племенного названия *car-mat* (вм.* *sal-mat*), а т. к. *m* в *mat* чередуется с *v*, и по акающей и окающей группам это название звучит *vat* || *vot* (ср. выше, а также *qor-vat*, спирантный эквивалент *car-mat'a*), то, очевидно, *ват-ка* и *вот-как* своими основами *vat* || *vot* воспроизводят *mat*, акающую разновидность второй составной части племенного названия *kalmez*, в то же время уже установлено, что как *z* ← *s*, так *t* (← *t̄* || *t*) в данном термине это перебой плавного *r*, т. е. *mez*, равно *mat* || *vat*, если ограничиться национальными названиями вотяков, вскрывают собою и-берское племенное название — *mer* || *mar* || *var*, и, следовательно, выходит, что одна часть вотяков носит в разновидности *kalmez* то общеизвестное племенное название *car-mat*, второй составной частью которого *mat* в разновидности *vat-* (*vat-ка*) именуется себя другая часть тех же вотяков.

Нечто подобное с теми же племенными названиями происходит и у черемисов: народы со стороны называют их *ġegemis*, *ġar-məs* (по-чуваши), т. е. сарматами, т. к. анализ выявил в *ġeg-mis*'e, *ġar-məs*'e лишь разновидности *sar-mat*'a, а сами себя они называют *mar-i* || *mär-i* и т. п., т. е. 'и-берами'.

Явление само по себе общее в ифетических районах и как таковое наблюдаемое и на Кавказе, так армяны называют грузины со-мехами, т. е. свано-месхами или свано-месаами, т. е. ионо-берами, а остальные народы аг-мен'ами, т. е. сало-ионами, а национальные их названия (имеются два) сводятся лишь к одному племенному термину, именно древнее национальное название *hauk*, это *bask* или *mesq*, т. е. воспроизводит лишь вторую часть грузинского термина *so-meq* ← *svan-mes + q*, а известное со средних веков и ныне живое национальное их же название *ha*у это пережиток первой составной части того же грузинского названия *so-meq*'a или *son-mesq*'a и разновидность второй составной части — *men* || *man* ← *svan* общеизвестного названия *ag-men*.

Самостоятельно иберское племенное название находим лишь у черемисов: таково их национальное название *mar-ə*, акающей группы. Окающей формой того же названия с подъемом *m* / *r*, т. е. *rog* их величают вотяки. Разновидность же окающей группы без подъема *m* / *r* мы имели случай наблюдать в языке коми в значении нарицательных имен, так *mor-t* 'человек', но *mor-t* это усеченная форма **mor-ton* → **mor-don*, эквивалент сибилантного *smar-don*, уже отмеченного выше социально пережившего племенного названия, что спирантно с утратой исходного носового дает *mor-do*, архетип названия Мордвы. Но вот на севере тот же *mor* при зубном показателе множественности, но с сужением *o* в *u*, т. е. *mur*т появляется во второй части бесспорно составного племенного названия *ud* — *mur + t*, как зовут себя вотяки. Огласовка *u* нас не может смущать в *ud*, как *u* в *mur-t*: ее мы имеем в спирантной разновидности *sar-mat*'a, resp. *sal-mat*'a, именно — **hul-but*, сохраненной чувашами в виде *ul-but* со значением 'героя', 'господина'¹, первично 'тотемного божества', 'бога' и т. д., эквивалента грузинск. (сохранилось в сванском) *tar-maḡ* (↘ *sar-mat*) 'бог'.

Как было выше выяснено, название части вотяков *kalmez* представляет разновидность того же племенного названия *sar-mat*, в котором

¹ Чув. *ul-əb* (resp. *ul-əp*) 'великан', 'богатырь', представляет усеченную форму того же тотемного термина, как *ker-p*, resp. **ġer-m* / **ġer-b* вм. *ġer-meḡ* / *ġer-beḡ* 'бог' и т. п.

вторая часть подвергла перебою плавный г в t, но сохранила этот плавный в термине *ud-murt*, названии тех же вотяков, при общей губной огласовке как в чувашском *ulbut* (←**hur-but* вм. **hor-mot* / ч. *gor-moš* 'бог', тотем того же племени). Сохранение г может быть здесь объяснено стечением с суффиксом t: *mur-t*. Первая часть того же составного термина, наоборот, подвергла плавный г перебою в t → d, почему **fur-mur* + t преобразовано в *ud-mur* + t, представляя спирантизованный представитель шипящей разновидности названия сарматов; в этот раз, следовательно, вотяки в целом носят в качестве национального наименования фонетическую разновидность того этнического термина *sar-mat*, другой разновидностью которого — *kalmez* — именуется, как мы видели, лишь их часть.

Итак, вотяки двояко именуются сарматами, но, не говоря о том, что зовут их просто «ват-ка» т. е. 'бер', в обоих усвоенных ими разновидностях составного племенного названия налицо опять таки берское племенное наименование, в составе коренных в одном случае подлинно берского (*mr*), в другом баско-чувашского (*mz* ← *ms*) типа, в формах окающей (*mur*: *ud-mur* + t) и экающей (*mez* ← *mes* ~ *mer*: *kal-mez*) против акающей формы *mat* ~ *maḡ* общеизвестного термина *sar-mat*.

Не естественно-ли, что и 'лошадь' у них, как было указано, берское тотемное создание *val*? Вопрос однако идет не об одном уд-муртском населении, не об одной вотской земле, как вместилище и в настоящем пережитков берского племени. Так как по закономерности чередования *v* || *m* три перегласовочные формы *vat* || *vot* || *ves* представляют ряд, закономерный двойник разновидностей *mat* (*sar-mat*), *mot*, *mes* → *mez*, то при первом же взгляде на топонимику всего окружения вотских земель очевидно для каждого знакомого с элементами яфетического языкознания, что берское население, ныне, разумеется, его лишь пережиточный слой, переливается значительно за пределы, занимаемые вотяками, особенно если прикинем сюда же прежде всего термин *Весь* (←**ves-e*), его закономерный по исходному согласному — *ver* || *mer* (← *ves* и т. д.) / *per* → *ber*, — двойник берского типа — *Перь* (← *Per-me* ←**Per-men*), да еще формальные лишь по огласовке разновидности берского племенного названия, я имею в виду не загадочное до сих пор *Var-man* (|| **Por-man* [ср. *por*, вотское название черемисов¹] || **Per-men*), этот ясный акающей эквивалент термина *Vol-ḡar*, и в связи с этим, понятно, наличный на монетах болгарских царей, как наименование², по всей видимости, в роли теофорного имени, тотема

¹ См. выше. стр. 688.

² В. В. Бартольд, *Bulghār, Einz. des Isl.*, s. v., стр. 821: *Bärmān*.

болгар, а не лишь племенного их названия; я имею в виду чистую основу с окончанием *vor*, resp. *vol*, с утратой *г* (|| *l*) в паузе — *vo-*, наличную в составном племенном названии *vo-gul*, безукоризненном оказавшем эквиваленте не только племенного названия *bol-gar*, с колебанием в огласовке двух его составных частей, но и отложившегося в наименовании насиженной различными представителями болгарского, resp. берского этнического образования реки Волги (*Vol-ga* ← **Vol-gar*, resp. *vol-ğar*, ср. название ингушей *gal-ğa* ← **ğal-ğar*). Как известно, *gar* || *gul* ← *kar* || *kul* спирантизированные двойники *skar* || *skul*, нарицательно значат ‘дитя’, resp. ‘дети’, палеонтологически представляя также племенное название. В качестве нарицательного слова этот термин в виде *skul* сохранился между прочим в основе грузинского слова *var-skul-av* → *va-skul-av* || *ma^гr¹-skul-av* с суффиксом мн. числа *-av*: слово используется в смысле ‘звезды’, resp. ‘звезд’, но буквально означает палеонтологически ‘дитя неба’, ‘небесенок’, притом специально ‘дитя (*skul*) берского (*var* → *va*) неба’, т. е. хочу сказать, что если бы мы решились толковать племенное название вогулов нарицательно, оно могло бы быть понято без уточнения как ‘дети неба’. Такая до-историческая от мифических времен связь севера, не только приволжского, но и бассейна Печоры и даже Оби, с кавказским югом нас не должна бы смущать и после доследования истории с одним алаша ‘лошадь’, теперь же по выступлении картины, вскрываемой чувашским мостом, устраняется перегородка, завеса рвется и, например, мы регистрируем как нормальное явление, что чув. *ǰages* (Раасонен: «*tšages*»), Золотн.: «чигес») ‘ласточка’ при т. н. чувашском законе *s*, resp. *ǰ* ~ *г* представляет, можно сказать, диалектическую разновидность с инг. *təgır-q*, имеющем свои соответственно перегласованные разновидности на Кавказе в чеченск., в частности, майст. *tıakar-q*, дид. *tıqar-a*, среди приволжан в чер. «чѣгас».

Однако, ‘дети неба’ или ‘небесята’ по палеонтологии речи оказались использованными для обозначения не одних ‘светил’, в частности ‘солнца’, ‘звезд’ и т. п., но и ‘птиц’ вообще и далее различных видов птиц без изъятия, так в грузинском основа того же составного термина *var-skul* || *mar-skul* в непочатой целости, но с использованием других огласовочных форм (*mar* || *mer*, *skul* || *skar* / *ǰqar*, resp. *ǰqal*); именно *mer-ǰqal* означает ‘ласточку’. Приволжский край отнюдь не чужд такому же семантическому использованию берского племенного названия в форме *var* с окончанием мн. ч. *-ga* и ионским племенным словом *sep* в значении ‘дитя’, как окончание мн. ч. *-av* и ‘дитя’ *skul* в грузинском *var-skul-av* ‘звезда’; с равным значением на Волге черемисы сохранили *varasenga*, как справедливо указала

мне сотрудница ЯИ Т. С. Пассек. Не надо особого усилия, чтобы с 'ласточкой', вообще с 'птицей' попасть в мир 'лошадей'. Это происходит не в одном еврейском мире¹. Правда в других случаях еще в чисто яфетических языках 'ласточка' выделяется формой уменьшительной или мн. ч., вообще видом производного от 'неба' слова, так, напр., бск. термин в значении 'ласточки' во всех его разновидностях получил то же племенное определение, что в грузинском в составе соответственного слова *mer-ḡqal*, т. е. *-ḡqal* (← *ḡqar*), но спирантизованно *-har* ~ [h]ad, принять ли его за признак ласкательного слова или мн. ч. — *en-har-a* || *in-har-a* → *in-ar-a* || *en-ad-a*, причем основная часть *en* || *in*, означавшая 'небо'², представляет тотемное название в архетипе *hen* || *hn*, у армян в форме *heun-q* означавшее 'кони' → 'наезд'³. В германских языках иберское племенное слово с той же функцией в слове *n. Schwal-be* (англ. *swallow*) 'ласточка' оформливает чистую основу *swal* (← *двуплем.*ша-val*, при полногласии с подъемом начального согласного (*in* ↗ *t* → *ht* || *st*) звучащую по-свански *ḡtaval* (← **ḡtaval*) → *ḡdaval* 'ласточка', причем архетип **ḡtaval* без разложения, но с перегласовкой *a* в *o* при губном *v*, *resp. w* (ср. арм. *uovaz* 'барс', 'пантера', *vm. uawaz*⁴) и с дальнейшим перебоем *o*, *resp. u* в *i*, именно *ḡowal* (~ *ḡiwal*) армяне сохранили в значения 'чудовища', специально то 'водяного чудовища' или 'дракона', то 'онокентавра'⁵ или 'иппокентавра'.

Однако, сейчас наша линия суждения по семантике иная. Мы утверждаем пока лишь то, что если формально племенное название *vo-gul* подобно его двойникам может быть истолковано в смысле 'дети неба' или 'небесята', то это не решает вовсе того, каково было конкретное использование того же термина или его двойников в приложении к тому или иному предмету, сохранял-ли он, напр., в применении к реке в форме Волги (**← vol-gar*) прямой смысл племенного названия или предметное по материальному со-

¹ Н. Марр, «Лошадь» || «Птица», тотем урарто-этрусского племени и еще два этала его миграции (ЯС, I, стр. 134).

² Н. Марр, Шумерские слова с основой *en* в освещении одного из положений яфетической семантики (ДРАН, в 1924, стр. 45) В разновидности *in* слово это со значением 'небо' обычное у вотяков, причем сибилантный эквивалент его архетипа *hn*, т. е. *sin* 'небо' лежит в основе бск. *zimisten* 'верить' (см. Н. Марр, Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба', ДРАН, 1924, стр. 30—31).

³ Н. Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. ЗВО, XXV, стр. 254.

⁴ Н. Марр, Физиолог, армяно-грузинский извод, стр. 93.

⁵ Ц. с., стр. 85. Толкование этого термина, равно его грузинского эквивалента *inḡqul* по Гер. 50, 39, вместе с сопутствующими им арм. *hambag-i* (ушкарагик) || г. *siḡnoz-i* 'полурьбы-полуженщины' (Орб.), все одинаково водяные божества, ныне требуют коренного семантологического пересмотра.

ставу или естественному виду значение 'река' → 'вода' или в мифологическом восприятии он обязательно передавал образ 'лошади', в начале, конечно, 'тотемной лошади'. Таково положение и с более древним исторически этрусским племенным названием той же Волги Rha, в яфетических языках еще в клинописи означавшим 'лошадь'¹.

Однако, в занимающем нас сейчас в Вол-камском и прилегающем районе с переживаниями и-берского племени мы попадаем на север не только в мнимо-чужеродные этнические массы к вогулам и в пермяцкие земли, но и, казалось бы, чисто русскую Костромскую губ., поныне сохраняющую не одни бытовые переживания своего сложного племенного состава, в числе бытовых и характерные признаки культа лошади: «Население Костромского края», как читаем в недавно вышедшей краеведческой работе В. И. Смирнова², «почти сплошь великорусское, далеко, однако, неоднородно, как по своим условиям жизни, так и по физическому типу, поговору, понятиям и обычаям. Не только отдельные группы селений и уезды... но и отдельные населенные пункты одной и той же волости часто являются примерами чрезвычайной пестроты в этнологическом отношении. Совершенно очевидно, что эта разнородность обуславливается не только разницей в условиях окружающей ту или иную группу населения природы и условий труда, но и степенью влияния тех или иных племен первоначальников края на пришельцев». Увы, здесь я вынужден прервать цитату, иначе из до-исторического мира с правильно поставленным о нем вопросом мы угодим в исторический, не имеющий никакого отношения к до-истории племенной жизни, действительной этногонии и глоттогонии во всем крае. Если бы я не прервал цитату, мы прочли бы строки о влиянии первоначальников края «на пришельцев-славян» и т. д. Между тем соотношение русских с действительными «первоначальниками края» отнюдь не определяется влиянием последних на славян. Хотя В. И. Смирнов подлинных первоначальников, когда речь приходится невольно вести о них, и считает неустановленными³, но литература вынуждает в их роли выдвигать финские племена, да и его

¹ Н. Марр. Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. ИРАИМК, III, стр. 263.

² Из вопросов и фактов этнологии Костромского края (отд. отд. из XXXIII вып. Трудов Костромского Научного Общества по изучению местного края, стр. 1, Кострома. 1924).

³ Напр., стр. 1: «Кто были эти первоначальники края, до сих пор, за отсутствием прочих сведений до-исторической антропологии, неизвестно», там же: «в отношении населения каменно-бронзового периода, к которому относится так называемая Фатьяновская культура..., существуют лишь научные гипотезы взаимно исключают друг друга»; стр. 2—3: «Кто была... загадочная мера и какая ее дальнейшая судьба — мнения исследователей расходятся».

самого прельщает (стр. 5) мысль Кузнецова, «к сожалению недостаточно обоснованная, что меряне имели предшественников в лице частью западных, частью северных финнов, напр., лопарей», т. е. автор имеет в виду исторических «первонаселенников» финнов, уже сложившихся в племена современного финского типа, но взаимоотношения их со славянами явно исторические, и мы не можем вносить историзма в до-исторические вопросы. Финских разъяснений так же нельзя вовлекать в обсуждение, напр., до-исторической топонимии края, как большинство из семи категорий, на которые распределил В. П. Семенов-Тянь-Шанский все названия населенных пунктов в своем интересном «антропо-географическом этюде»: «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест». Надеюсь, никто не будет навязывать до-историку, как имеющую отношение в до-исторической топонимике, ни одной из следующих категорий, именно «происходящие от человеческих имен собственных и прозвищ» (фамилий) — (1 кат.), «происходящие от церковных праздников — Вознесенское, Воскресенское, Сретенское и пр.» (2 кат.), «происходящие от исторических имен — Ростиславль, Изяслав, Мирославщина и пр.» (3 кат.), «происходящие от современных наименований в честь различных событий или лиц» (6 кат.), ни даже «происходящие от предметов, составляющих типичный географический пейзаж данной местности или участвующих в нем» (7 кат.), ибо самое представление о пейзаже и мировоззрение до-исторического племенного мышления несоизмеримы. Остаются, следовательно, две категории из перечисленных В. П. Семеновым-Т.-Ш., 4-я «происходящие от языческого культа — Белые боги, Прибожье поле, Ярилино, Перуново и пр.» и 5-я «происходящие от древних аборигенов или колонизаторов данной территории», да и те не могут быть целиком безоговорочно вносимы в подлинный до-исторический материал, так, не говоря о полной историчности «племен колонизаторов», названия «древние аборигены», равно «от языческого культа» сами по себе еще ничего по до-историчности не вмещают. Да, наконец, при той сложности переплета, которая вскрывается яфетической теориею во взаимоотношениях до-исторических и исторических племенных образований, с устранением инорасовых вторжений, этого *Dei ex machina*, становится совсем не таким легким делом, как это могло представляться раньше, определить подлинную, напр., финскую часть в названиях. Беру, казалось, бесспорные случаи, про которые М. П. Веске писал¹:

¹ Славяно-финские культурные отношения по давным языкам (Изв. Об-ва Арх., Ист. и Этн. при Каз. Унив., т. VIII, вып. 1. Каз. 1890), см. Вас. Смирнов, Из вопросов и фактов этнологии Костромского края, стр. 8.

«Окончания «юг», «юга», часто встречающиеся в названиях местностей Костромского края (как и окончание «ма») встречаются как суффикс не только в словах прикамских, но и прибалтийских финских наречий». Оставим в этот раз окончание «ма» [|| «va» / «ba» и т. п.], встречающиеся в тех же и других соответственных значениях далеко за пределами распространения финского племени и в Западной Европе, где, как и в Восточной Европе, оно разъясняется в связи с языками до-исторического яфетического населения. Остановимся на окончаниях «юг» и «юга». Что же нам выяснил М. П. Веске. Вот его конечный вывод¹: «На первый взгляд это название «юг» и «юги» есть западно-финское слово, п. ч. река называется на финском языке «йюки», на эстонском языке «йыги», на лопарском «йюкка» (йюга), а у зырян «йю». Но в древнейшие времена у последних это слово звучало, как доказывает сравнительное языковедение, как «йуг» или точнее «його» или «йюга». Этот самый корень «йюг» встречается и в других восточных наречиях: остяцкое «йюган» — «река», «ручей»; «йэга» — «приток»; черемисское — «июга» — «течет». Вследствие таких обстоятельств трудно решительно сказать, к какой группе финских племен относится данное слово — к прибалтийским или прикамским». Но прежде, чем искать собственника в племенах той или иной финской группы, разве не следовало бы узнать палеонтологию самого термина, и с нею подлинное его происхождение? Тогда, может быть, не было бы надобности присваивать его ab ovo непременно тем или иным финским племенам, оказались он до-исторически оправданным? Но сравнительное языковедение, как оно построено господствующей школой, ничего не способно ни видеть, ни сказать по палеонтологии термина. Подходя же от яфетических данных палеонтологически, мы имеем основание сомневаться даже в первичности ууг и т. п. в зырянской речи. Наоборот, чрезвычайно важно, что зырянский язык сохранил простую основу уи, означавшую палеонтологически не только «реку», но и «воду», откуда «пить» уи-пэ, «запить» уи+гэ-пэ в пов. наклонении — чистая основа уи «пей»; с нею в неразрывной связи находятся и по утрате начального спиранта зырянские же слова уи-пэ «плыть», уи-т «низменность, затопляемая в половодье», иц (resp.*иг) «сырой», «влажный». Вид слова уог абсолютно не может почитаться корнем, это составное или производное слово от чистой основы уо, resp. уи ← *уоу, resp. *уиу, в архетипе уог → уиг, спирантизованной разновидности по шипящей группе яфетических языков термина шог → шиг, наличного у вотяков в значении «воды», а с потерей г и у чувашей — ши ←

¹ Ц. с., стр. 9; см. Вас. Смирнов, ц. с., стр. 8, пр. 5.

шәв 'вода' (шиг 'болото'). В яфетических языках, не говоря о сибилантных эквивалентах, наличны и спирантные, так 'река' по-аварски ʃog (отсюда в Грузии название заселенной раньше лезгинами реки Yog, по-г. Iog-1), бск. hug → ug → u- 'вода'. Что касается второй части g ← ga || go || gi ← gan || *gou || *gin, воспринимать ли ее в качестве окончания (мн. ч. и т. п.) или, как мы думаем, синонима (ср. лезг. hēn || h̄n → h̄ē || h̄ī 'вода', уд. ʃep 'вода', ч. ʃiu, бацб. ʃi 'вода', 'река' и т. д.), скрестившегося с первым словом, она — ионское племенное слово: такое слияние двух племенных слов со значением 'воды + реки' наблюдается и в других яфетических языках, в удинском тех же самых племенных слов — oq 'река' ← *hor-qen. Первая часть салское племенное слово, вторая — ионское, в целом составное 'сал-ионское', параллельное 'сар-матскому', т. е. 'сал-берскому'. Само собою понятно, что скрещение двух слов в uo-gan ← *yog-gan || *yog-gon || *yog-qen и т. п., каково бы ни было их семантическое использование, формально материально вызвано скрещением самих племен, т. е. такой гибридный термин со значением 'сал-ионский' существовал в действительности как племенное название определенного составного этнического образования, и так как сал-ионское племенное образование не могло до-исторически не быть оседлым на юге, где не только сарматы, но и ионы оставили неизбежные от мифических времен следы, последние в названиях рек — Танаис-Дон, Днепр, Дануб-Дунай, то на этом реальном пути до-истории хотели было мы подойти и к толкованию русского слова «юг» (← *yug-gon), равно германского Süden (← *Iur-den ~ *yur-gen), занесенного и в романские языки (фр. su-d, исп. sur, порт. sul), поскольку для славян и германцев в те до-исторические времена юг мог отождествляться с нахождением там населения соответственного племенного состава, равно как север у славян, повидимому, определялся отлично от немцев, до-историческим нахождением иберского племени на соответственной стороне, как то вскрывает анализ до-исторической топонимики крайнего севера. Однако общая семантическая норма, именно связь 'юга' с 'полуднем' и соответственная хорошо документированная родня у русского слова «юг» в самом русском и других славянских, о чем речь ведется особо¹, вынуждает отбросить географическое его разъяснение в пользу хронологического, именно 'полудня', так как это формально, конечно, двуплеменное скрещенное образование реально оказывается составным из двух различных понятий словом yug-gon со значением несомненно 'полдень' (yug-) 'день' (-gon), так как это явно спирантизованный вид

¹ Н. Я. Марр, Чувашские основы с цу (ДАН, 1925).

чуваши́ского *ʒor-gop*, resp. *ʒur-gop* (← **ʒur-gop* и т. п.) 'полдень'. Очевидно с гибридным сал-ионским племенным названием, совпавшим у русских как славян с «югом» — полудней, у финнов пережившим в значении 'реки', resp. 'воды', нельзя отождествлять *ugra* (|| *ugor*) ← *ugar*, поскольку в них исходя из *u-gur* с архетипом **vo-gar*, намечаем бор-салеский скрещенный термин эквивалент *vol-gar*, разновидности *vo-gul*, или, исходя вернее из *u-gog* (← **ur-gver*), получаем 'сал-иберское' скрещенное, причем ни тот, ни другой ни в каком случае не представляют в нашем районе вклада тех исторических эпох, о которых могли бы осведомлять какие либо писанные источники. Сам термин «славянин», как и «русский» равным образом не вклад исторических эпох в пределах России. В формации местного славянина, конкретного русского, как впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное до-историческое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе зарождения новых экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещенного фактором образования и русских (славян) и финнов. До-исторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами до-историческое пра-урало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем индоевропейцы получили из той же до-исторической этнической среды свое пра-индоевропейское оформление, но конкретные народы, русский, финский и турецкий, приволжского района, можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но отнюдь не в смысле явлений этногонического характера, поскольку речь идет о генезисе новых видов. Происхождение новых исторических видов протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего на экономической базе концентрации этнических масс скрещенного многочисленных видов до-исторического типа, до нас вовсе и не дошедших в совершенно чистом виде во всем обширном районе, если даже не забывать о чувашах. И вот, когда в этих новообразованиях, русские ли они или финские, мы находим такое распространение составного и-берского или простого берского племенного названия в разнообразнейших, нами здесь, разумеется, вовсе не исчерпываемых видах, то вполне естественно появление берского племенного названия 'лошади' в этой среде; в частности сохранение его именно у вотяков в виде *val'a*¹. Этот термин с утратой или отсутствием

¹ Сюда же по корню относится чер. *vülð* 'кобыла'.

начального неогласованного спиранта (h), пережитка целого слова в составе *h-val сохранился в таком полном, собственно скрещенном виде с подъемом h ↗ k(→ k) → q при полногласии не только на западе в слове sabalus с его родней, если держаться одних спирантных разновидностей¹, но и на занимающем нас востоке, здесь не говоря о русских словах 'кобыла' и даже 'комон' (комон || *комог) у чувашей, как уже разъяснено, в виде qəm ← qōm ~ чер. žama- 'жеребенок' и т. п.² и представляющих его более архаичные разновидности акающей кама (*kamar) и окающей коми (← *комг ~ комог). Однако из последней пары слов кама || коми одно означает реку Каму, другое — зырянский народ коми, ни одно не говорит ничего о лошади. Совершенно верно, но одно из них коми — племенное шумеро-иберское название, усвоенное зырянами, конечно, не случайно, а в результате этногонического процесса, и перед нами красноречивый факт наличия пережиточно племени, тотемом которого является животное конского круга — русск. комон 'лошадь', герм. *комог ← комог (на дид. řōmoу 'осел', анд. hamago-qi id., хвар. «омо-ге» и т. д. в Дагестане, равно чув. qəm ← qōm 'жеребенок' (← *ком → ком), все окающие разновидности, а с аканием кама, в Дагестане, — авар. и карат. žama 'осел' и т. п.), но, когда это наименование реки, не имеем ли в нем то, чего нам не хватало: 'реку-лошадь', специально 'иберскую тотемную лошадь'. Осел в яфетических языках носит название общее с лошадыю. Употребление иберского племенного названия таким образом, даже в грузинском, где 'осел' звучит vit, обычная предсеченная или первичная одноплеменная форма 'и-бера' (др. л.-арм. v r-q 'иверы', 'грузины'), нас не отводит в сторону от коня. Наоборот, иберское же племенное название в акающей разновидности val, как мы уже знаем, у вотяков, тоже иберов, означает 'лошадь', а в вотской земле протекает река Вала (вотск. val-o), впадающая в Килмез (вотск. Kalmez), приток Вятки, и в этой реке, по вятской легенде, передаваемой мною сокращенно со слов М. Г. Худякова, водились крылатые лошади, огнедышащие, иногда выходившие из своей природной среды на сушу с риском не быть в силах вернуться, если бы в это мгновение кто успел бросить железо, собственно топор в реку. Одному удалось это сделать и стать хозяином крылатого коня. Но иберское племенное название носила не одна река Вала, его разновидностями именовались и Кама, и Волга, да

¹ Иначе пришлось бы назвать и бек. samar-1 («žamar») 'лошадь' || samal в samal-dun 'всадник' и т. п.

² См. выше, стр. 678.

и Каспийское море, не так уж давно, ибо Хвалыпское море связано с тем же иберским племенем, причем сейчас имею в виду, обходя термины Гурган и его источники, вотскую форму чистой основы val-, да и его или архетип или двуплеменной составной вид *h-val / q-val, притом не только в значении племенного названия 'лошади' и 'лошади-реки', но и 'лошади-света', 'лошади-восходящего солнца', 'утренней' зари, как обстоит дело с этрусской тотемной лошадью¹. И, действительно, val в значении 'зари', 'утра', а отсюда и 'завтра', сохранили армяне и грузины, последние с удержанием спиранта в подъеме в слове q + val-e 'завтра', первые с утратой начального спиранта в слове или в первичном доскрещенном виде val 'утро', 'заря'. И когда в то же время одно и то же слово то в сибилантных эквивалентах с сохранением 1-го коренного в подъеме ч. tuman-и и tume (← *tūmal ← *tūmar, ср. м. o-tūmar-a || o-tūmar-e 'завтра' ~ tovaш → ɟəvaш 'чуваш' || э. tuman 'утро', м. 'завтра'), то в спирантных эквивалентах koman, resp. komon означает где бы то ни было в яфетическом районе и племенное название, и 'коня,' и 'ласточку', как ни быть спокойным насчет того, что дело стоит прочно, хотя и тяжело нести это ответственное бремя при общем убеждении окружающих в его легковесности. И, естественно, все так легко, когда из удрушающего заключения в мертвящей господствующей языковедной так называемой исследовательской схеме не нас лишь, а сами языковые материалы выносит на свежий воздух, на простор свободных разысканий опять яфетический конь, в этот раз 'крылатый иберский' или проще и первичнее 'берский конь', 'конь огнедышащий в черной от глубины реке и сияющий на красном небе', 'лошадь-река', 'лошадь-женщина' и 'лошадь-солнце'. Как не вспомнить Лермонтова:

«Отворите мне темницу,
 Дайте мне сиянье дня (солнце)
 Черноглазую девицу,
 Черногривого коня».

¹ См. выше, стр. 679.